

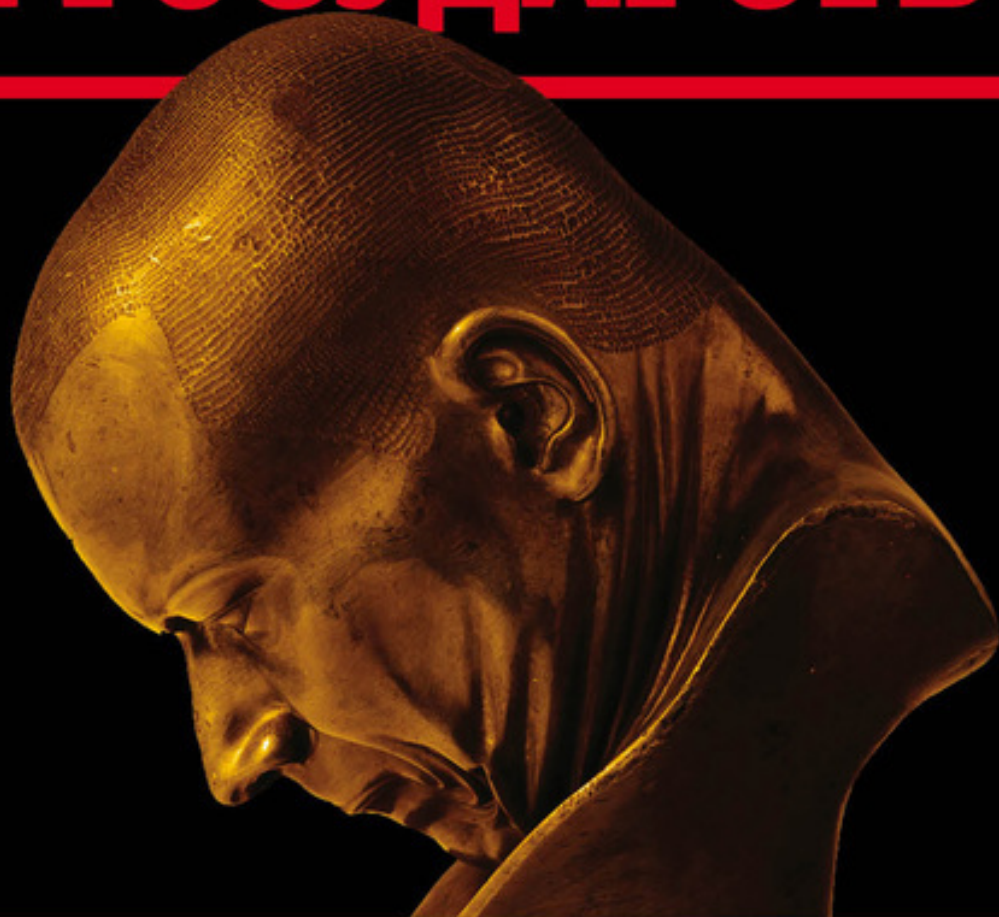

ЕФИМ ГРЕКУЛОВ

**ЦЕРКОВЬ
И ГОСУДАРСТВО**

**ДВЕ ГОЛОВЫ
ВЛАСТИ В РОССИИ**

Левиафан

Ефим Грекулов

**Церковь и государство. Две
головы власти в России**

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Грекулов Е. Ф.

Церковь и государство. Две головы власти в России /
Е. Ф. Грекулов — «Алисторус», 2017 — (Левиафан)

ISBN 978-5-906947-58-1

Ефим Федорович Грекулов, известный историк, пишет в своей книге о союзе церкви и государства в России. Перед читателем предстанут такие знакомые исторические персонажи, как князь Владимир, креститель Руси, монах Филофей, создавший теорию «Москва – третий Рим», Иван Грозный, «православный царь», патриарх Никон, проведший свою знаменитую реформу, Петр I, упразднивший патриаршество в России и полностью подчинивший церковь государству, Николай I, при котором утвердилась идеология «православие, самодержавие, народность». Вместе с тем в книге разбирается, как отражался этот союз светской и духовной власти на положении народа, а также о народных движениях против церкви. Наконец, здесь же показана позиция образованных слоев русского общества, непростые отношения М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина и других видных представителей русской интеллигенции с церковными властями.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-906947-58-1

© Грекулов Е. Ф., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Часть 1. Церковь и государство в России (из книги Е. Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России»)	6
«Церковные мятежники»	6
Монастырские тюрьмы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ефим Грекулов
Церковь и государство. Две
головы власти в России

© Грекулов Е. Ф., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Часть 1. Церковь и государство в России (из книги Е. Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России»)

«Церковные мятежники»

...Уже в XI в. князья и их суды сурово расправлялись с противниками церкви. Как отмечает летопись, еще при князе Владимире епископы благословляли князей на применение казни. «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на помилование», – говорили они. В 1004 г. монаха Адриана обвинили в нарушении церковных уставов и в хулении церкви. По распоряжению митрополита Леонтия Адриан был отлучен от церкви и заточен в монастырскую тюрьму. Новгородского архиепископа Луку Жидяту, жившего в XI в., летописец называет «звероядным». От жестокости этого епископа, от «заточения и грабления» пострадало много людей. «Сей мучитель, – говорит летописец, – резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». Так же сурово расправлялся Лука с принадлежавшими ему крестьянами. Холопу Дудику, не угодившему чем-то своему феодалу, по приказанию Луки Жидяты отрезали нос и обе руки ¹.

В XII в. «немилостивым мучителем» был владимирский епископ Федор. Он лишал своих противников сел, одних обращал в рабство, других заключал в тюрьмы, рубил им головы, выжигал глаза, резал языки, распинал на стенах. В рассказе летописца отразилась борьба, которую вели между собой церковники за власть. Владимирский епископ как крупный феодал отказывался признавать власть киевского митрополита. Обвинив своих противников в еретичестве, он через свой суд приговорил их к смертной казни, добился конфискации их имущества, а многих заключил в тюрьмы. В борьбе с киевским митрополитом Федор потерпел поражение, и его выдали на суд митрополиту. Митрополичий суд в свою очередь обвинил Федора в еретичестве и подверг жестокому наказанию: ему отрезали язык, затем отсекли правую руку и «вынули очи», т. е. ослепили.

Инквизиционные меры воздействия на еретиков применяли и церковные соборы – собрания видных представителей церкви, имевших большое влияние на церковные дела и светскую власть. Церковные соборы осуждали своих противников как врагов церкви – еретиков и требовали от светской власти беспрекословного исполнения соборных решений, оставляя за собой право контролировать исполнение приговоров.

Особенно жестоко расправлялись соборы с церковными врагами в XIV–XVII вв., но и в более ранний период послушников церкви ждала не менее суровая кара. В 1123 г. по приговору Киевского церковного собора заточили в тюрьму как «злого еретика» какого-то Дмитрия. В 1157 г. тот же церковный собор осудил другого еретика, Мартина. Учение Мартина, направленное против господствующей церкви, привлекло на его сторону, как рассказывает об этом летопись, много простого народа и вызвало широкое общественное движение против православной церкви. По приговору собора Мартин был сожжен.

Не только русские князья признавали за церковными иерархами право уничтожать противников «злою казнью». Это же право признавалось и монгольскими завоевателями. Так, по ярлыку хана Менгу Темира митрополиту Кириллу было предоставлено право наказывать смертью за хулу на православную церковь и за нарушение церковных привилегий.

---

¹ С. К. Викторский. История смертной казни в России. М., 1912, стр. 17.

* * *

Во второй половине XIV в. в Новгороде возникло движение, известное под именем ереси стригольников. Стригольники выступали против епископов, их поборов и стяжательства; они отрицали некоторые догматы и обряды, связанные со смертью человека, необходимость исповеди и причастия, говорили, что их молитвы неуютны богу и что напрасно жертвовать им земли «на помин души». В критике церковных догматов и обрядов были элементы рационализма. Во главе ереси стояли рядовые люди, а также дьячество, т. е. низший слой духовенства.

Господствующая церковь сурово осудила новую ересь, как направленную против церкви. Ересь называли «прямой затеей сатаны», а ее участников – «злокозненными хулителями церкви», «развратителями христианской веры». Новгородские епископы настояли на том, чтобы руководителей ереси – дьякона Никиту, ремесленника Карпа и др. сбросили в 1375 г. в реку Волхов. Затем стали вылавливать и казнить остальных участников движения в Новгороде и Пскове. Физическое уничтожение еретиков одобрил и московский митрополит Фотий. В посланиях 1416–1425 гг. он благодарил псковичей за расправу над еретиками. Он советовал им применять все средства уничтожения, однако без пролития крови, во имя «спасения души» казненных. Послушные псковичи последовали советам инквизитора. Они переловили, обыскали и казнили многих еретиков ².

В XV в. широкое развитие получило новое движение – новгородско-московская ересь. Сторонники этого движения требовали уничтожения церковного землевладения, отмены исповеди, не верили в воскресение мертвых. Они отрицали внешнюю обрядность и основные догматы православной церкви, например догмат о троице, не признавали икон.

Они выступали также против церковной знати, осуждая ее стяжательство. Для борьбы с ересью в 1490 г. был созван церковный собор, на котором присутствовали самые воинствующие представители церкви. Собор отлучил от церкви и предал проклятию участников этого движения и потребовал от царской власти их смерти. Проповедуя необходимость жестокой казни еретиков, духовные власти руководствовались в своей практике Кормчей книгой, являвшейся переводом византийского Номоканона (свод правил византийских императоров, касающихся церкви и церковных дел). В главах 31–33 «градского» закона, вошедшего в состав Кормчей, были положения, которым в течение многих столетий следовали духовные власти: «Аще жидовин, христианина раба имый, и обрежет его, да отсекут ему голову; аще жидовин или агарянин дерзнет развратити от христианской веры христианина, главней повинен казни, иже сподобився святого крещения и еретичествоует и еллинствует, конечной муце повинен есть»³.

С требованием смерти еретиков обратился к царю Ивану III и новгородский архиепископ Геннадий Гонзов, прозванный современниками «кровожадным устрашителем преступников против церкви». Геннадий был в восторге от испанских инквизиторов, особенно от его современника Торквемады, который за 15 лет своей инквизиторской деятельности сжег на кострах и предал различным наказаниям многие тысячи человек. Настаивая на казни еретиков, Геннадий писал в 1490 г. московскому митрополиту Зосиме: «Смотри, франки по своей вере какую крепость держат! Сказывал мне при проезде через Новгород посол цесарский про шпанского короля, как он свою землю очистил, и я с тех речей и список тебе послал»⁴.

Геннадий советовал митрополиту Зосиме поставить деятельность «шпанского короля» Фердинанда и испанских инквизиторов в пример Ивану III. Но еретики своей агитацией против

² А. И. Клибанов. Реформационные движения в России. М., 1960; см. также Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное движение на Руси XIV – начала XV в. М. – Л., 1955, стр. 39, 56.

³ «Русская старина», кн. I, 1885, стр. 190.

⁴ «Русское прошлое», кн. III, 1923, стр. 37; «Русская историческая библиотека», т. VI, 1874, стр. 775–776.

церковного землевладения и церковной знати облегчали Ивану III борьбу за ликвидацию крупного церковного землевладения, которую он вел в интересах светских феодалов и служилых людей. Поэтому он ограничился лишь наказанием еретиков. Их били кнутом, а затем отослали к новгородскому епископу для осуждения церковным собором. Осудив еретиков и предав их проклятию, Геннадий, по примеру полюбившихся ему католических инквизиторов, устроил еретикам позорный въезд в Новгород. За 40 километров от города их посадили в шутовской одежде на коней «хребтом к глазам конским», т. е. задом наперед, на головы им надели берестяные шлемы с надписью «Се есть сатанино воинство» и в таком виде возили по городу. Городские жители обязаны были плевать на еретиков и говорить: «Это враги божьи и христианские хулители». В заключение на их головах были сожжены берестяные шлемы. Некоторых еретиков, как рассказывает летопись, по требованию Геннадия сожгли на Духовском поле, а других он послал в заточение⁵.

* * *

После разгрома новгородского антицерковного движения его центр перешел в Москву. Во главе этого движения стали Федор и Иван Курицыны. Они выступали против монашества, критиковали «творения» отцов церкви, но не посягали на основы христианства. Суровым и непримиримым гонителем этого движения был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Волоцкий). Он был представителем воинствующей церкви, сторонником сильной светской власти, создателем теории божественного происхождения царской власти. Подобно новгородскому архиепископу Геннадию, Иосиф хорошо знал практику испанской инквизиции, восхищался ее деятельностью по борьбе с ересями и пытался перенести на русскую почву теорию и методы ее борьбы.

Иосиф обрушил на еретиков немало богословско-полемических «Слов», написанных в злобно воинствующем духе. В них много общего с писаниями францисканских монахов, боровшихся в XIII в. с ересью альбигойцев. Настаивая на казни еретиков, Иосиф доказывал, что даже те из них, которые, убоявшись смерти, покаются, не заслуживают помилования и прощения. В «огненных казнях» и тюрьмах Иосиф видел «ревность» к православной вере. Он проповедовал, будто руками палачей казнят еретиков сам «святой дух». Убеждая царя в необходимости физического уничтожения еретиков, Иосиф говорил, что «грешника или еретика руками убить или молитвой едино есть» и что казнить еретика – значит «руку освятить». Иосиф призывал всех «истинных христиан» «испытывать и искоренять лукавство еретическое» и грозил строгим наказанием тем, кто «не свидетельствовал», т. е. не доносил, на еретиков. Вслед за католическими инквизиторами Иосиф учил, что в борьбе с еретиками допустимы все средства – обман, хитрость, ложь, предательство. Одно лишь сомнение в законности сожжения противников церкви этот инквизитор считал «неправославным». Необходимость суровых мер против еретиков Иосиф подтверждал примерами из ветхозаветной истории. Он ссылался также на примеры из жизни представителей церкви, например Льва Катежского, который якобы одной своей епитрахильей сжег еретика Лиодора. Иосиф обращался также к «градским» законам, вошедшим в состав Кормчей книги, которые предписывали карать смертной казнью за переход из православия в другую религию. Жестокие «градские» законы, преследовавшие свободу совести, Иосиф называл «божественным писанием», подобным так называемым пророческим и апостольским книгам. Одобрив и освятив церковным авторитетом эти инквизиторские законы, духовные власти постоянно пользовались ими в борьбе с антицерковным движением.

⁵ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. IV. СПб., 1848, стр. 159.

Московских еретиков судил церковный собор 1504 г. По настоянию собора наиболее активных еретиков – Ивана Волка, Михаила Коноплева и Ивана Максимова сожгли в клетке в Москве, а Некраса Рукавова – в Новгороде, предварительно отрезав ему язык. Духовные инквизиторы во главе с митрополитом Симоном настояли еще на сожжении юрьевского архимандрита Кассиана. Его брат Иван Черный бежал «в немцы».

Кровавый террор против участников антицерковного движения на этом не закончился. Иосиф продолжал выискивать их и предавать их суровому наказанию. Уступая Иосифу, царь Василий Иванович, как сообщает летопись, велел оставшихся еретиков «в темницы вметати до конца живота их».

После расправы с еретиками на соборе 1504 г. Иосиф стал знаменем воинствующей церкви – «презлых иосифлян», боровшихся с участниками антицерковного движения посредством духовного и светского меча. За заслуги перед светской властью и церковью Иосиф в 1591 г. был объявлен общерусским «святым».

* * *

После Иосифа во главе церковников, настаивавших на казнях противников церкви, стал московский митрополит Даниил. Пытаясь теоретически обосновать необходимость таких казней, Даниил в своих проповедях приводил слова Иоанна Златоуста, оправдывавшего казнь «по воле божьего человеколюбия», а также епископа Емесского Евсевия, учившего, что «убийство бога ради несть убийство».

В обоснование своих взглядов Даниил ссылался и на блаженного Федорита, говорившего, что и Моисей велел убивать лжепророков. Даниил предлагал сеять вражду и раздоры среди противников церкви – «богонаученное коварство», чтобы с ними легче было разделаться.

Участников антицерковного движения Даниил называл «хулиателями имени божьего». Он доказывал, что еретики – враги не только церкви, но и государства. Запрещая общение с еретиками, Даниил старался вызвать к ним чувство «совершенной ненависти». Он убеждал правящие классы «воззреть против врагов божьих» (так он называл сторонников антицерковного движения) «божественной ревностью и проявлять к ним праведную ярость»⁶. Он подчеркивал также, что право судить еретиков и присуждать их к суровым наказаниям принадлежит церковной власти. Обязанность же светской власти – беспрекословно выполнять решения церковных соборов и церковных иерархов⁷.

Церковь обрушила свой меч и на так называемых нестяжателей Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Максим Грек раньше сам выступал за смертную казнь еретикам. Так, он умолял церковный собор предать смертной казни Исаака Жидовина, смутившего, по его словам, Христову паству⁸. Но он был противником церковного землевладения и беспощадной эксплуатации трудившихся на церковно-монастырских землях крестьян. Вассиан Патрикеев, стоявший во главе боярской оппозиции, также обличал стяжательство монастырей, ибо владение землей, по его словам, развращает монахов, заражает их «ненасытным сребролюбием». В своих произведениях Вассиан писал об эксплуатации монастырских крестьян, которые, по его словам, жили в последней нищете.

Вассиан и Максим Грек критиковали крепостнический быт церковных вотчин и стремились склонить великого князя к отчуждению церковных и монастырских земель, что и вызвало ненависть к ним церковных иерархов. Максим Грек предстал перед церковным собо-

---

⁶ В. И. Жмакин. Жизнь и деятельность митрополита Даниила. М., 1881, стр. 184–192. См. также А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Послания Иосифа Санина. М. – Л., 1959.

⁷ В. И. Жмакин. Указ. соч., стр. 410.

⁸ Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904 стр. 44.

ром в 1525 г. Его признали «злохулителем еретиком» и заключили в тюрьму Волоколамского монастыря. Максиму Греку запретили писать, мучили голодом, морозом и, как отмечает один источник, он «от дыма и от горести темничные был яко мертв». В таких условиях Максим пробыл шесть лет. В 1531 г. он был привезен в оковах в Москву и предстал перед судом нового церковного собора. Здесь в его сочинениях нашли «хулу на господа бога и богородицу» и обвинили в том, что он составлял «писания хульные и еретические», критиковал церковные уставы и законы, что он еретик и чернокнижник. Церковный собор осудил Максима как «хульника и Священного писания тлителя» и сослал в оковах в Тверской Отрочь монастырь, где его заточили в каменный мешок.

В ереси обвинили и помощников Максима по исправлению книг – Михаила Медоварцева и Сильвана. Медоварцев был сослан в Коломну, а Сильван в Волоколамский монастырь, где его «уморили дымом». На этом же соборе еретиком был объявлен «князь-инок» Вассиан, противник церковного землевладения. Он также попал в каменный мешок Волоколамского монастыря и в «прегорчайшей темнице» умер от голода и дыма. Сделано это было по приказу митрополита Даниила.

Вскоре в руках инквизиторов оказался игумен Троицкого монастыря Артемий – противник церковной знати и церковного землевладения. Он писал об этом царю и умолял его в интересах самой церкви отобрать ее имения. Артемия судил церковный собор 1553 г. Его обвинили в ереси и сослали в Соловецкий монастырь с предписанием «пребывать ему внутри монастыря с великой крепостью, в келье молчательной».

На церковном соборе 1554 г. как «безбожного еретика и отступника православной веры» осудили Матвея Башкина. Он считал, что рабство несовместимо с принципами истинного христианства, и говорил о необходимости уничтожить холопство, так как «Христос всех братией нарицает»⁹. Башкин подверг критике церковные каноны и догмы: отрицал божественное происхождение Иисуса, не признавал «угодников» и поклонения иконам.

Башкина подвергли пыткам и заставили признаться в еретичестве. Как передают некоторые источники, по приговору церковного собора Башкина посадили в деревянную клетку и сожгли. Его сторонники были разосланы по монастырям в строгое заключение¹⁰.

Не прошло и года, как вновь собрались церковные иерархи. На этот раз они судили Феодосия Косого, выдающегося идеолога социальных низов середины XVI в. Феодосий Косой учил, что не следует повиноваться попам и властям, он призывал на борьбу за уничтожение церковного и светского гнета и коренное переустройство общества. Церковный собор приговорил Феодосия к тяжкому наказанию, но ему удалось вырваться из цепких лап инквизиторов и бежать в Литву.

Кровавый террор по отношению к еретикам и другим противникам церкви получил широкое распространение и нашел отражение в народном творчестве. В былинах о Добрыне Никитиче рассказывается, например, как он «учил» жену свою Марию Игнатьевну – еретичку, безбожницу: «Сперва отсек руки и ноги, а затем голову. И этот язык не надобен, Знал он дела еретические»¹¹.

* * *

По мере того как ограничивались права церкви, обязанность бороться с ересями принимала на себя государственная власть, осуждение же церковных противников по-прежнему производилось иерархами церкви. При содействии и по настоянию московских митрополи-

⁹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951, стр. 35.

¹⁰ Дело М. Башкина изложено в Актах Археографической экспедиции (ААЭ), т. I, № 239.

¹¹ И. А. Малиновский. Кровавая месть и смертная казнь. Томск, 1909, стр. 39.

тов Даниила и Макария «церковные мятежники» стали рассматриваться как государственные преступники. На борьбу с «обидящими церковь» государство ополчилось в контакте с представителями церкви. На Стоглавом соборе 1551 г. епископы просили царя строго наказывать еретиков «градским» судом. Просьба церковных иерархов была выполнена. Царем был издан указ «о великой царской опале на еретиков по градским законам, а от святителей духовным запрещением»¹². Наказание по делам об еретичестве по-прежнему устанавливалось церковным судом, светские же суды были их исполнителями. Г. К. Котошихин, живший в XVII в. и известный своим сочинением «О России в царствование Алексея Михайловича», так рассказывает о существовавшей в XVII в. системе террора по отношению к церковным противникам: «... а кого у них (т. е. в судах патриарха и церковных властей. – Е. Г.) за духовные дела... осуждают на смерть, кто какую заслужил, и они, из дела выписав приговор свой, посылают с теми осужденными людьми в царский суд, и по тому их приговору из царского суда велят казнить без задержания, кто чего достоин». пытки обвиняемых также производились по требованию духовных властей¹³.

Требования кровавой расправы над церковными противниками отразились и на законодательстве XVII в. В Соборном уложении 1649 г. критика церкви и ее догматов рассматривалась как богохульство и каралась сожжением на костре. Так же наказывались «без всякого милосердия» и другие выступления против религии и церкви – переход в «басурманскую» веру, святотатство и др. По свидетельству иностранца Петрея, врагов церкви, «святотатцев», сажали на кол, после смерти тело снимали с кола, выносили за городские ворота и сжигали, а пепел засыпали землей¹⁴. По указу 1684 г. смертной казни через сожжение предавались еретики, которые «отшатнулись от церкви и чинят соблазн и мятеж», а также «перекрещенцы».

Церковники уверяли, будто начиная с Петра I в России признавалась свобода совести. В доказательство они приводили слова Петра из указа от 16 апреля 1702 г.: царь-де не желает приневоливать совесть человеческую и предоставляет каждому христианину на его ответственность «пещись о блаженстве своей души»; никакому государю не позволено оную силой в другую веру «принуживать»¹⁵. В действительности было не так. И в петровских законах отразилась непримиримая вражда церкви к ее противникам. Выступление против господствующей церкви, критика ее догматов и обрядов рассматривались как «богохуление». «Хулители веры, – говорил Петр, – наносят стыд государству и не должны быть терпимы, поелику подрывают основание законов». Виновным выжигали язык раскаленным железом, а затем их предавали смерти. В «Воинских артикулах» было записано, что смертью наказывались также и те, кто не доносил на еретиков, ибо они считались «причастниками богохуления»¹⁶.

Нетерпимость церкви и царской власти к церковным противникам в петровский период ярко проявилась в деле переписчика книг Григория Талицкого (1701 г.). Талицкий отличался начитанностью и хорошо разбирался в богословских вопросах. Выражая взгляды людей, отрицательно относившихся к петровским реформам, Талицкий проповедовал, что в лице Петра появился антихрист и что наступает конец мира. Он резко критиковал деятельность Петра, призывал народ не платить податей, не выполнять государственных повинностей, стремился поднять восстание против Петра. Свои взгляды Талицкий изложил в «тетрадках», которые раздавал народу. Церковный певчий Федор Казанец донес на Талицкого, и по этому доносу Талицкого арестовали. При обыске у него были найдены доски с текстом его обращения к народу. В этом обращении он критиковал также и православную церковь, говорил о близкой

¹² «Акты исторические» (АИ), т. I, № 154.

¹³ И. С. Бердников. Краткий курс церковного права, т. II. Казань, 1913, стр. 981.

¹⁴ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866, стр. 122.

¹⁵ С. К. Викторский. Указ. соч., стр. 107.

¹⁶ «Полное собрание законов» (ПСЗ), т. IV, стр. 1910.

кончине мира и возмущал народ против Петра и его реформ. Талицкого подвергли пыткам. Не стерпев их, он покался, т. е. признал себя виновным. Талицкий назвал при этом 17 своих сторонников, в числе их князя И. И. Хованского и тамбовского епископа Игнатия.

Правительство и церковь придали большое значение осуждению взглядов Талицкого, так как они получили в народе широкое распространение. Митрополит Стефан Яворский по поручению царя написал особое «увещание», в котором подверг учение Талицкого резкой критике. Талицкого обвинили в том, что он «с великой злобой и бунтовским коварством» писал «письма плевельские о пришествии антихриста», и приговорили к казни копчением. Во время свершения этой мучительной расправы на место казни поднимались для допроса и напутствия священник Преображенского приказа и начальник последнего Федор Плещеев. После казни Талицкого еще четвертовали. В месте с Талицким казнили и его сторонников: Артамона Иванова, Савина, попов Луку и Андрея. «Тетрадки» Талицкого, в которых он осуждал церковь и петровские реформы, были сожжены¹⁷.

* * *

Мучительная казнь не приостановила распространения учения Талицкого, оно было очень популярно среди простого народа. Митрополит Стефан Яворский, ближайший помощник Петра, возглавлявший кровавый террор над церковными противниками, пытками и казнями вызвал к себе всеобщую ненависть. Стефан составил также «Камень веры» – обличительное сочинение, в котором он доказывал право церкви на физическое уничтожение еретиков. «Иного на еретиков врачевания нет паче смерти», – писал он. Преданный ему новгородский митрополит Иов рассказывал, что по приказу Стефана в Новгороде было арестовано 12 человек и многие из них «зело жестоко пытаны и рваны». По его же настоянию в 1713 г. подвергся преследованию лекарь Дмитрий Тверитинов. Это был просвещенный человек своего времени. Изучая Библию на латинском языке, Тверитинов выбрал из нее до пятисот текстов в подтверждение своих взглядов; он был сторонником известных преобразований в русском обществе, особенно среди духовенства. Тверитинов отвергал значение церковного предания, культ святых, мощей, поклонение иконам. Он обличал «пастырей лживых», как он называл священников, не признавал монашества, считал недопустимым для церкви владеть богатствами, в первую очередь именьями и крепостными. Выступая против религиозного догматизма, Тверитинов едко высмеивал религиозные суеверия, распространявшиеся духовенством, осуждал церковные обряды, являвшиеся часто причиной болезней. Своих взглядов Тверитинов не скрывал, так как он поверил Петру, будто в России возможно открыто исповедовать свои религиозные убеждения: «Ныне у нас повольно всякому, кто какую веру изберет, в такую и верует», – говорил он.

Этому поверили и его ближайшие сторонники Иван Максимов и Михаил Косой. Однако скоро им пришлось убедиться в своем заблуждении. Тверитинова и его последователей обвинили в том, что они «рассеивают» среди «неискушенного народа» «плевелы соблазнительные». Сперва арестовали Ивана Максимова, который-де «острыми укоризнами и невежливыми речениями укорял православные догматы». Максимова заключили в колодническую палату при патриаршем дворе, а после первых пыток перевели в Преображенский приказ, где пытали вторично. Не выдержав пыток, Максимов выдал своего учителя Тверитинова и его учеников – цирюльника Фому Иванова, фискала Михаила Андреева и «торгового человека» Никиту Мартинова.

¹⁷ Следственные материалы по делу Г. Талицкого напечатаны Г. Есиповым в книге «Раскольниковы дела XVIII в.» (т. I. СПб., 1861, стр. 59–84); см. также Н. Б. Голикова. Политические процессы при Петре I. М., 1957, стр. 134–145.

Вначале Сенат, рассматривавший дело московских рационалистов, отнесся к еретикам снисходительно и потребовал от них лишь отказа от их религиозных взглядов, шедших вразрез с учением господствующей церкви. Но против такого отношения к еретикам возражал Стефан Яворский. Он обратился с письмом к Петру, в котором доказывал необходимость применения к еретикам пыток. «Что же речем о допросах? – писал он. – Допросы обычно бывают ради известия истины. Аще же вопрошаемый начнет запирается, то надобно или достоверных свидетелей или пытки»¹⁸. Чтобы собрать обвинения против Тверитинова и его учеников, Стефан обратился к народу с «увещанием». Под угрозой церковного проклятия он призывал «православных» доносить на еретиков. «Увещание» сделало свое дело, и на Тверитинова посыпались «обвинительные сказки», главным образом от духовенства. Всех обвиняемых заключили в тюрьмы: Тверитинова – в колодническую палату московского духовного приказа, а его ближайшего ученика Фому Иванова – в московский Чудов монастырь, где держали «на цепи со стулом». В цепях их приводили в церковь и предавали анафеме. Стефан обвинял Тверитинова и его учеников в том, что они пытались отторгнуть простой народ от церкви и что делали они это «по злобе на церковь». По поводу «лукавого дела» начались расспросы, пытки, церковные проклятия. По распоряжению Стефана из 39 допросов был сделан «экстракт», и вместе с «правилами святой церкви» о необходимости сурового наказания еретиков материалы были переданы церковному собору.

Тем временем пытки продолжались. Первым не выдержал Фома Иванов. Когда его вели из тюрьмы в церковь, чтобы предать церковному проклятию, он схватил косарь (топор) и на глазах духовенства и народа изрубил икону Алексия. Его немедленно подвергли церковному проклятию, перевели в духовный приказ, где по распоряжению Стефана вновь пытали. Сгущались тучи и над головой Тверитинова. Стефан обвинял его в том, что он широко распространял свои еретические взгляды, что он размножал и раздавал свои «народно – развратные пункты».

24 октября 1714 г. в патриаршей крестовой палате собрались архиереи, архимандриты и попы для соборного суда над Тверитиновым и его учениками. Собор перечислил их «богомерзкие и богохульные ереси», трижды пропел им анафему, а затем передал обвиняемых светскому суду. Заклиная «страшным судом Божиим», собор требовал от светской власти «сии богоненавистные еретические плевелы конечно истребить не только духовным судом, но и судом гражданским». 30 декабря 1714 г. Фому Иванова подвергли жестокой казни. В Москве, на Красной площади, построили сруб, куда поместили Иванова, и зажгли его. Перед казнью был зачитан приговор. Иванова осудили за то, что он возложил хулу на иконы и мощи угодников, на причастие, был противником церкви, врагом и богоотступником. Сперва сожгли его руку с косарем, которым он разрубил икону, затем в срубе сожгли его самого. При совершении казни Иванов держался с величайшей твердостью и не принес, как от него требовали, покаяния. Суровость наказания Стефан Яворский оправдывал необходимостью «угасить всенародный мятеж», вызванный, по его словам, учением Тверитинова.

Стефан Яворский и другие церковные иерархи настаивали на суровом наказании и Тверитинова как еретика и великого злодея не только церкви, но и государства. Однако вопреки их требованиям Петр освободил Тверитинова от наказания. Его ученика Михаила Косого сослали в Тобольск, а оттуда в Обдорск в крепкое заточение «на хлеб и на воду»¹⁹.

¹⁸ «Русский вестник», кн. 2, 1871, стр. 718.

¹⁹ «Описание архива святейшего Синода», т. II, ч. 1, 1722, № 187, приложение XXIV; т. X, 1730, № 33; см. также Н. Тихомиров. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский. – «Русский вестник», 1870, кн. 9; 1871, кн. 2 и 6.

* * *

Прошло несколько лет, и в 1722 г. вновь запылал в Москве костер. Отставной капитан Василий Левин произносил против церкви «злые и возмутительные слова» и не признавал икон. Подобно Талицкому, он говорил, что Петр – антихрист, и призывал народ не повиноваться ему. Левина подвергли пыткам – подняли на дыбу и дали одиннадцать ударов. Как богохульника и противника власти Левина казнили в Москве, на Болоте: ему отсекали голову, а затем сожгли туловище. Голова Левина была отправлена в Пензу, туда, где он проповедовал свои взгляды. Здесь ее выставили для всеобщего обозрения, на страх другим. Вместе с Левиным казнили еще четырех его сторонников. Их обвинили в том, что они знали об «еретичестве» Левина, но не донесли на него. Их головы были выставлены в Пензе рядом с головой Левина. После казни Синод хотел уничтожить монастырь, где жил Левин, но это требование даже царским палачам показалось жестоким и ненужным²⁰. Однако всех монахов монастыря долго содержали под арестом в «земельном хладе».

В 1721 г. в Новгороде судили новгородского дьячка Василия Ефимова за то, что он, рассказывая о виденном им якобы чуде, «вместо славы нанес хулу имени божьему». Несчастного дьячка сожгли публично в Новгороде, о чем сообщил Синоду новгородский архиерей. Но и после смерти дьячок казался церковникам опасным: его останки – голова и кости, способные якобы вызвать в народе «соблазн», по распоряжению Синода были отобраны у родственников и сожжены вторично, а прах был развеян²¹.

Духовное ведомство всюду видело мятеж против церкви и настаивало на суровых мерах для искоренения «злых плевел». По поручению Синода петербургский митрополит Гавриил представил в Уложенную комиссию 1767 г. свои соображения о том, как бороться с церковными противниками. Гавриил предложил виновных смирять прежде всего публично – одевать в позорную одежду и выставять как преступников на всеобщее осмеяние. Затем им следовало дать 30 ударов струнными «кошками» о двенадцати хвостах, выжечь каленым железом клеймо – буквы ЗБХ (злбный богохульник) и сослать навечно в каторгу, где использовать на самых тяжелых работах «вместо скотов»²².

Жестокость этого наказания Митрополит Гавриил объяснил тем, что отступление от православной церкви, безверие и богоотступничество являются заразой для государства. Предложения митрополита – изувера, одобренные предварительно Синодом, нашли широкое применение. Еще в 1785 г. в местечке Крупца на Воляни крестьянина Генриха Немирича обвиняли в том, что он «безбожный оскорбитель тела и крови Христовой». По настоянию церковников его предали суду, и суд вынес решение: «Отдать его под меч палача... предать тело четвертованию, а перед тем живцом вырвать язык... и драть пасы (полосы) из тела, затем все тело порубить на мелкие куски и раскидать по дорогам в пищу диким зверям»²³. Этот зверский приговор был одобрен и представителями церкви.

Духовные власти пытались канонически и юридически обосновать инквизиционные методы расправы с церковными противниками. Положение, выдвинутое еще Иосифом Волоцким, будто царский суд обязан своим мечом «искоренять еретический злой плевел в конец», на долгие годы вошло в практику светской власти, защищавшей всем своим карательным аппара-

²⁰ «Описание архива святейшего Синода», т. I, № 494. Г. Есипов. Раскольниковы дела XVIII в., т. I, стр. 7-51; см. также А. Н. Филиппов. О наказаниях по законодательству Петра Великого М., 1891, стр. 203.

²¹ «Русский архив», 1867, стр. 1708–1720.

²² «Православный собеседник», кн. IV, 1910, стр. 296.

²³ «Исторический вестник», кн. VII, 1885, стр. 102.

том неприкосновенность и исключительность положения казенной церкви, этой, по образному выражению В. Г. Белинского, «опоры кнута и угодницы деспотизма»²⁴.

---

²⁴ В. Г. Белинский. Сочинения, т. X. М., 1955, стр. 214.

Монастырские тюрьмы

Многие монастыри России служили тюрьмами, в которые заключались лица, обвиняемые в религиозном свободомыслии, участники антицерковных движений, а также боровшиеся против самодержавия. Монастырское заключение – одно из самых тяжких наказаний, применяемых православной церковью с давних пор. Так, в Никоновской летописи рассказывается, что еще в начале XI в. еретики заключались в погреба архиерейских домов. Особенно переполнены монастырские тюрьмы были в XVII–XVIII вв., когда выступления за свободомыслие часто принимали религиозную окраску. Немало лиц, обвиненных в антицерковных и политических выступлениях, содержалось в монастырских казематах и в XIX в.

Самыми страшными из монастырских застенков были земляные тюрьмы. Там держали наиболее опасных для церкви и царизма преступников – «раскольников и церковных мятежников». Земляные тюрьмы представляли собой вырытые в земле ямы, в которые затем опускались деревянные срубы. Поверх земли делалась кровля с небольшим оконцем для передачи пищи. В такой земляной тюрьме томился один из вождей раскола, протопоп Аввакум. «Еретики – собаки, – говорил он, – как-то их дьявол научил: жива человека закопать в землю»²⁵. На него надели еще «чепь со стулом», которые он носил в течение всего заключения в монастырской тюрьме. В такую же яму по приказанию патриарха Иоакима были брошены в оковах участники соловецкого восстания 1668–1676 гг.

Во многих монастырях узников помещали в особые каменные мешки. Например, в Прилуцком монастыре Вологодской губернии каменные мешки представляли собой узкие каменные шкафы, возведенные в несколько этажей внутри монастырских башен. Каменные мешки были изолированы друг от друга, их окна и двери заделывались кирпичом, оставлялось лишь небольшое отверстие для передачи узнику пищи и воды. Каменные мешки имел также Спасо-Каменный монастырь Вологодской губернии, основанный в 1260 г. Тюрьмой здесь служили монастырские башни. Из этих тайников узники редко выходили на волю. Сибирский селенгинский Троицкий монастырь также был известен бесчеловечными условиями содержания узников. В одиночных казематах – «каютах», в «заклепных железах» несчастные жертвы часто сходили с ума. Еще в 1770 г. в такой «каюте» селенгинского монастыря был обнаружен подпоручик Сибирского пехотного полка Родион Колев, просидевший в ней в кандалах 25 лет и сошедший с ума²⁶.

В каменном мешке макарьевского Унженского монастыря Костромской губернии был заточен в 1757 г. основатель религиозной секты Тихон Смурыгин. По предписанию Синода его заковали и вели «наикрепчайшее смотрение о неимении им прежнего злого действия»²⁷.

* * *

Широко известны были тюрьмы Соловецкого монастыря, основанного в первой половине XV в. Каменные мешки в монастырских башнях и стенах этого монастыря имели форму усеченного конуса длиной около трех метров, шириной и высотой по два метра, в узком конце – один метр. В верхних этажах Головленковской башни Соловецкого монастыря каменные мешки были еще теснее: 1,4 метра в длину, 1 метр в ширину и высоту. Маленькое оконце служило не для освещения, а только для подачи пищи. В таком мешке нельзя было лежать, узник

---

²⁵ «Житие протопопа Аввакума...», стр. 108; см. также Ард. Попов. Суд и наказание за преступления против веры и нравственности. Казань, 1904, стр. 55.

²⁶ «Русское слово», кн. 8, 1861, стр. 14.

²⁷ «Костромская старина», 1890, стр. 24.

спал в полусогнутом состоянии. Сюда заключали узников «безысходно», т. е. на всю жизнь, никакой связи с внешним миром они не имели.

Помещая свои жертвы в эти страшные тюрьмы, синодальные инквизиторы обычно писали: «Посадить его (т. е. заключенного) в Головленковскую тюрьму вечно и пребывать ему в некоей келий молчательной во все дни живота и никого к нему не допускать, ниже его не выпускать никуда же, но точно затворену и зоточену быть, в молчании каяться о прелести живота своего и питаему быть хлебом слезным»²⁸. В таких нечеловеческих условиях узники пребывали в течение многих лет, пока смерть не приносила им избавления.

В башне Соловецкого монастыря, носившей название Корожня, тюремные кельи были устроены на каждом этаже. Это были маленькие и темные каморки с небольшими отверстиями вместо двери, через которые узник с трудом мог пролезть внутрь. Еще в XIX в. местные жители рассказывали о суровом режиме в этой тюрьме – заключенных морили дымом, замуровывали, пытали (для пыток служил нижний этаж башни). Тюрьма Соловецкого монастыря постоянно расширялась. В 1798 г. под тюрьму было приспособлено выстроенное ранее здание, а в 1842 г. и этого оказалось мало: для узников построили специальное трехэтажное здание и особые казармы для тюремной охраны. В новой тюрьме в полуподземном нижнем этаже были небольшие чуланы, без лавок и окон, куда помещали особо важных преступников.

Среди монастырских тюрем первое место, особенно в XIX в., занимала тюрьма при суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, основанном около 1350 г. Эта тюрьма существовала с 1766 г. и с ростом антицерковного движения все время расширялась. В 1824 г. под тюрьму было переделано старое помещение духовной семинарии, находившееся за крепкими монастырскими стенами. В 1889 г. к тюрьме был присоединен каменный флигель на 22 одиночные камеры²⁹.

Тюремные помещения были и в других монастырях – Антониево-Сийском на Северной Двине, Новгород-Северском, Кирилло-Белозерском и др. Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 г., известен как место ссылки и заключения опальных бояр и церковников. Здесь побывали в XVI–XVII вв. князья Воротынские, Шереметьевы, Черкасские, советник Ивана IV Сильвестр, князь Шуйский, митрополит Иосиф, патриарх Никон. В монастыре была еще особая тюрьма около Косой башни, в которую помещали за «слова и дела против царя», за «сумасбродство», за раскол и сектантство. В 1720 г. в эту тюрьму за «непристойные слова» попал Иван Губский – его велели содержать в кандалах и использовать на монастырской работе «до скончания века». Еще в 1856 г. в этой тюрьме сидел лодзинский учитель Миневиц, осужденный в 1839 г. за «возмущение крестьян против правительства»³⁰.

В петербургский Александро-Невский монастырь помещали особо важных раскольников, захваченных церковными следователями и доказчиками в разных местах. Следствие над ними вели синодальные инквизиторы. Отсюда узники часто попадали в Тайную канцелярию для «дознания истины», т. е. для пыток. Каменные мешки были и в московском Симонове монастыре. Женщин держали в тюрьмах таких монастырей, как суздальский Покровский, Долматовский, Кашинский, Иркутский, Рождественский и др. В Орловской губернии раскольников заточали в монастырь в селе Столбове Дмитровского уезда. Особое здание для «колодников» было выстроено в 1758 г. при московском Сретенском монастыре.

²⁸ А. И. Иванов. Соловецкая монастырская тюрьма. Соловки, 1927. Описанию Соловецкой тюрьмы посвящены следующие работы: М. Колчин. Ссылные и заточенные в Соловецком остроге в XVI–XIX в. М., 1908; В. И. Немирович – Данченко. Соловки. СПб., 1875; А. С. Пругавин. В казематах. СПб., 1909; М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, т. 1–5. М., 1951–1956; Д. Венедиктов. Палачи в рясах. М., 1923.

²⁹ Описание тюрьмы суздальского Спасо – Евфимиева монастыря см.: А. С. Пругавин. Монастырские тюрьмы. М., 1905; «Суздаль и его достопримечательности». Суздаль. Изд. Владимирской архивной комиссии, 1912.

³⁰ Г. Антипин. Крепость Кирилло – Белозерского монастыря. Кириллов, 1934, стр. 34–38.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.